

ПОЦЕЛОВАННЫЕ СОЛНЦЕМ

Вера СМИЛИНГЕНЕ

п. Харп

*Тундра, тундра будоражит
Бесконечных мыслей рой,
Для чужого ты на страже,
А для ненца дом родной.*

С ненецкой семьёй Тайбери мы познакомились в 1978 году. Для нас с мужем, приехавших на Ямал из Прибалтики, первая встреча с представителями коренного населения оказалась настолько удивительной и необычной, что хочется рассказать о ней поподробнее.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЛУИЗЫ МИФЛАХОВОЙ

Было это в январскую студёную зиму. Морозы стояли такие крепкие, что трескалась кора деревьев в лесу, а поезда надолго застре­вали в снежных тоннелях. В нашем, тогда ещё небольшом посёлке, где основным жилищем были балки, непроглядной белой пеленой стояли вязкие туманы. Бывало, что по неделе, а то и по две ученики с первого по десятый класс не ходили в школу. В то время мы жили недалеко от станции в деревянном железнодорожном доме. Из нашего окна было видно, как приходят и уходят поезда, как люди снуют туда-сюда, встречая или провожая пассажиров.

Первое «торова»

В тот день к вечернему поезду подъехала оленья упряжка и остановилась недалеко от перрона. С неё спрыгнули два ненца и стали отряхивать толстый слой инея со своих малиц. От оленей шёл густой пар. Для меня такие встречи были настоящей экзотикой. При любом случае хваталась за фотоаппарат и бесцеремонно щёлкала затвором, пока не заканчивалась фотоплёнка в камере. И, ко-

нечно же, в этот раз не усидела дома. Вставила две батарейки в портативную фото вспышку «Данко», накинула тулуп, меховую шапку, впрыгнула в валенки на босу ногу и помчалась к оленьей упряжке, застёгиваясь на ходу.

Подошла, поздоровалась. Они обернулись в мою сторону, и один из них ответил: «Торова»¹. Это были подростки. Вернее, один из них был совсем мальчишка, лет восьми, второй выглядел лет на шестнадцать. Я попыталась завести разговор, держа в тепле под тулупом фотоаппарат, но это было довольно трудно. Младший молчал и с любопытством разглядывал меня исподлобья. Старший оказался более разговорчивым, и я поняла из его старательного объяснения, что они встречают родителей. Спросила, как их зовут, сказала предварительно своё имя. Старший назвал себя Митурпаном, показав на брата, отрывисто произнёс: «Васька».

Пока мы «беседовали», мои ресницы покрылись инеем, из носа потекла прозрачная вода, защищало крепко щёки и подбородок. А им хоть бы хны. Надышали в свои меховые капюшоны тёплый воздух, только капельки талого инея падают с ресниц на малицу и тут же застывают. Торопливо вытащив из-за пазухи фотоаппарат, стала передвигать их поближе к оленям, чтобы те тоже попали в кадр. Они послушно встали и во все глаза смотрели в объектив. Когда вспышка ослепила их, они почему-то заулыбались...

Дома было тепло и уютно от гудящей жаркой печи. Рассказала мужу о нашей беседе с ненцами. Он только улыбнулся.

– В тундре мало кто говорит по-русски, так что не удивляйся.

Мы поужинали, муж сел проверять уроки у дочери, сы-

нишка всё смотрел в окно на оленей, с восторгом комментируя каждое их движение, а поезд до сих пор был где-то в пути. Поделилась с мужем своими мыслями:

– Может, горячего чаю отнести? Дети всё-таки, а мороз крепчает к ночи.

– Конечно, отнеси, да пацану пару игрушек прихвати, порадуешь мальчика.

Они были рады сладкому горячему чаю. Игрушки тоже пошли на ура, правда, стеснительности им было не занимать.

Тут по громкой связи объявили, что поезд сегодня не придёт. Все стали расходиться. Мои ненцы засобирались в дорогу. Я спросила, где их чум. Митурпан ответил, что ехать нужно очень долго. Развернул упряжку, хореет тыкая в оленьи бока, запрыгнул в нарту на ходу и, крикнув в мою сторону «Лакомбой!»², умчался в свою тундру.

Было уже поздно, но я не выдержала и тут же проявила фотоплёнку. Результат был превосходным.

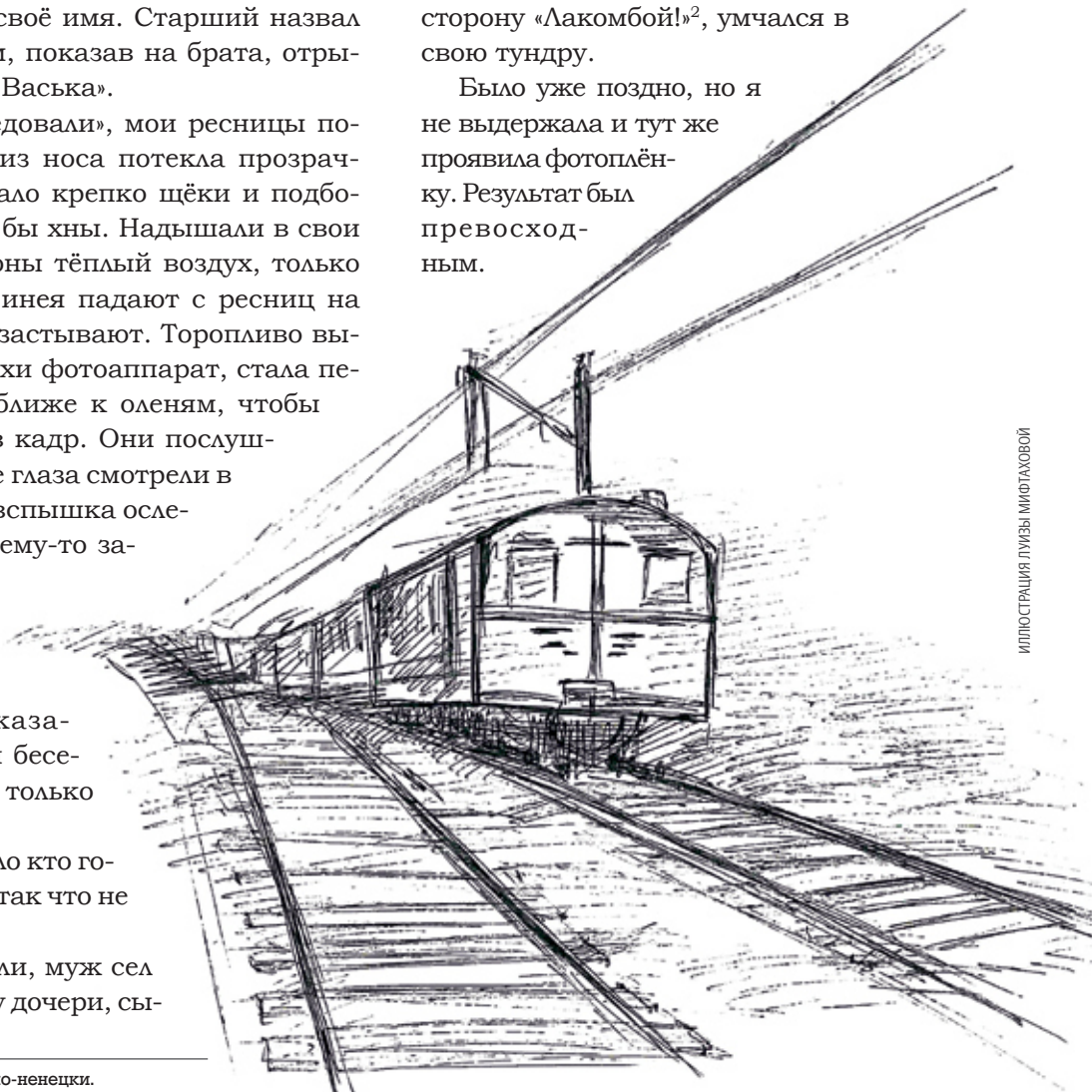

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПУШКИ МИФТАХОВОЙ

¹Торова – «здравствуйте» по-ненски.

²Лакомбой – «до свидания» по-ненски.

Иван и Дуся

На следующий день ненцы снова приехали, а поезд также задерживался. Теперь муж пошёл к ним и пригласил погреться, попить чаю. Сначала Митурпан отказывался, но потом, согласившись, подогнал упряжку к дому и привязал оленей к берёзе. Поезд так и не пришёл, и братья снова уехали в тундру.

На третий день поезд пришёл вовремя, и ребята, сидевшие в этот раз у нас в гостях, быстро накинули свои малицы и побежали на станцию, оставив нарты у дома.

Прошло не так много времени, в дверь постучал Митурпан. Муж открыл, и вместе с клубами белого ледяного пара следом за братом в коридор вошёл Васька. Из-за его спины показалась небольшая женщина в ягушке³ с набитой котомкой на плече. Она застенчиво улыбалась. За ней в коридор ввалился огромный ненец. Я таких богатырей из тундры ещё не встречала. Он был ростом с моего супруга, а прибалты всегда отличались высоким ростом. Ненец так радостно нам улыбался, что казалось, будто мы старые друзья, которые не виделись много лет.

– Торова, торова! – обменявшись с мужем рукопожатием, он протянул и мне свою руку.

Я удивилась. Это было слабое прикосновение. Точно так же поздоровалась со мной и его жена. А нас с детства учили, что, если жмёшь руку, рукопожатие должно быть крепким. Но тут, видимо, свои обычаи и устои, подумала я и заторопилась накрывать на стол.

Поздничали мы не на кухне, а в комнате. Там был большой круглый раздвижной стол, все поместились. Мои дети с любопытством разглядывали гостей. С Васькой за ужином они как-то сразу нашли общий язык, хотя каждый из них знал только свой.

Допив чай, сынишка с дочерью увели Ваську за собой в детскую: покататься на трёхколёсном велосипеде, порываться в игрушках, повисеть на турнике и полазить по верёвочной лестнице... Позже к ним присоединился и старший брат. Я впервые увидела, как непосредственно могут радоваться всему новому в своей жизни ненецкие дети, что у них вызывает восторг любая малозначительная для нас вещь.

Ну а мы, взрослые, стали постепенно узнавать друг о друге. Ненца звали Иваном, жену Евдокией – Дусей. Кстати, Иван неплохо говорил по-русски. Это намного облегчало общение, потому что Дуся лишь изредка находила в своём словарном запасе русские слова. Чаще она твердила, застенчиво улыбаясь: «Не понимай». Пила чай и обливалась потом.

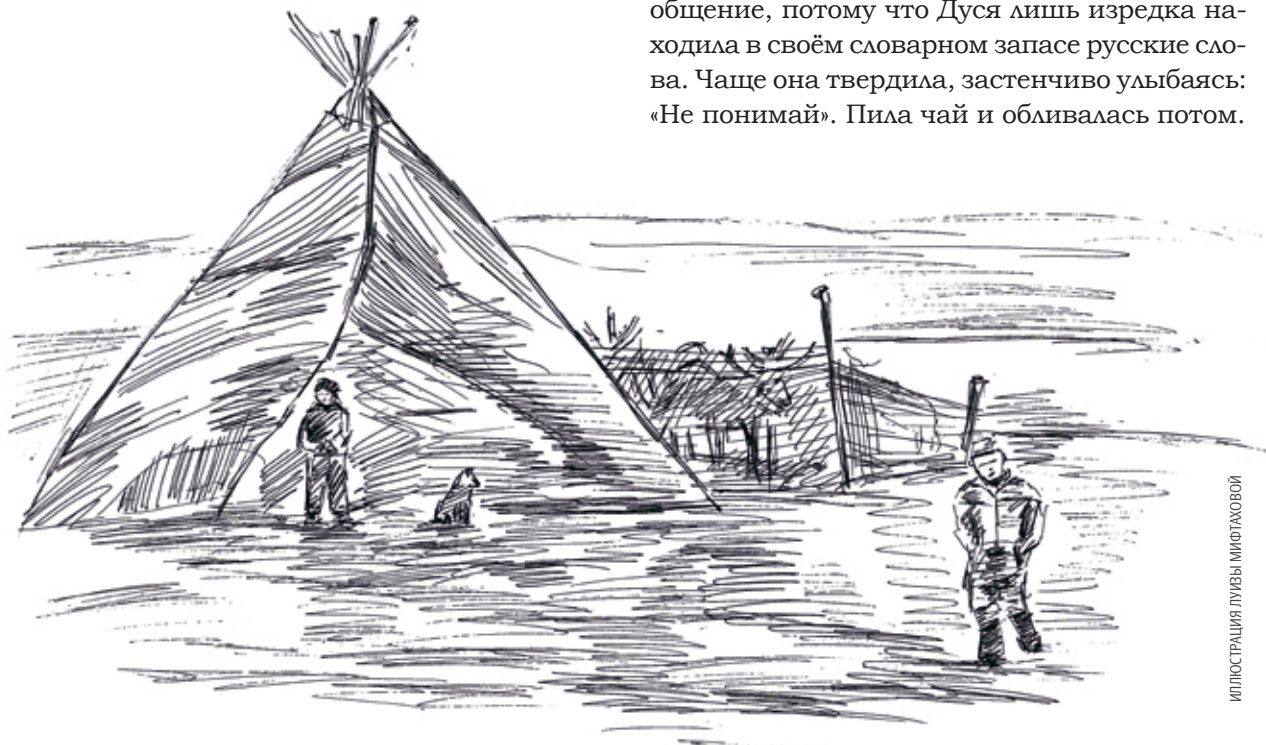

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЛУИЗЫ МИФТАХОВОЙ

³Ягушка – зимняя верхняя одежда ненецких женщин.

Прописаны они в тундре Лаборовой, Иван даже показал свой паспорт. Рассказывал, как трудно каслали оленей к Карскому морю. Я спросила, почему старший сын не говорит по-русски, ведь в интернатах деткам старательно прививают языковые навыки. Выяснилось, что тот не посещал занятия. Почему? Иван пояснил просто: его дети умеют считать, и этого навыка им вполне достаточно. А всему остальному они научатся в тундре, подальше от поселковых опасностей и винных магазинов.

– А много у вас детей? Митурпан, наверное, самый старший?

Иван с Дусей переглянулись и почему-то засмеялись.

– Старшая дочка Александра, а этого звать Митрофаном.

Тут уже мы с мужем рассмеялись. Ведь паренёк исправно отзывается на исковерканное нами имя.

– А кто ещё?

– Александра, Митрофан, Коля, – начал загибать пальцы Иван, – Катя, Васька, Оля, Варя. Александре пятнадцать лет, Варя маленькая совсем, три года.

– Оленей много у вас в стаде? Говорят, стада бывают больше тысячи. Как вы только справляетесь с ними?

– У нас свои олени. Я частник, мне колхоз не нужен.

Так состоялось наше первое знакомство с коренными жителями Ямала.

Оленьё мясо – лучшее лекарство

Тот год изобиловал буранами и морозами. Иногда давал нам передохнуть недельку-другую и вновь насылал стужу. Иной раз приходилось со двора забирать в дом огромного сторожевого пса по кличке Мамонтёнок Дима. Так в шутку его прозвал муж, когда тот был ещё маленьким увальнем. Жалели его. На жгучем морозе короткая шерсть не очень-то согревала. Хотя с годами на лапах она удлинилась и загустела.

Но и в такую погоду людям из тундры необходимо запастись продуктами. В один из морозных дней наши знакомые ненцы приехали в гости. Воскресенье, на уличном термометре минус сорок, но без ветра, на двадцать минут даже выглянуло солнышко.

Друзья закупили всё, что было необходимо на те деньги, что выручили от продажи оленьего мяса, рогов, шкурок песцов. Иван и Дуся – истинные хозяева той части тундры, что досталась им в наследство от предков. Там, на бескрайних просторах, пасутся их стада. Там у них своя, непохожая, совершенно отличная от нашей жизнь и свои понятия о ней.

Тайбери решили ехать домой утром следующего дня. Вечером, уложив все свои покупки на нарты, они накрепко завязали их верёвками. До дома, как объяснил Иван, было далеко. Места их кочевий пролегли через факторию Лаборовая и простирались до побережья Карского моря.

– Ну и забрались! – высказала я своё удивление.

Но Иван пояснил:

– На Лаборовой оленям нечего кушать.

А утром выяснилось, что Дуся простыла. У неё поднялась высокая температура, пропал голос, был насморк. Иван решил оставить её у нас до выздоровления, не осмелившись везти больную в такую даль.

Проводив Ивана, стали с мужем Дусю врачевать. Да не тут-то было. Таблетки не признаёт ни под каким соусом. Даже жаропонижающее размешивали ей в чай с мёдом. Бесполезно. Заваривали высушенные противостудные травы, что были привезены с Большой земли, но и от такого напитка она отказывалась.

– Дуся, это хороший чай, полезный, пей, сразу полегчает. Правда, правда.

На что Дуся, выставив в знак протеста ладони, говорила, с трудом подбирая русские слова:

– Ни ната. Я не знаю такой трава, наша тундра такой не расти.

Она отказывалась от еды, пила только горячий индийский чай с лимоном и конфетами. С удовольствием смотрела телевизор, своими эмоциональными возгласами вызывая улыбки у всего нашего семейства. Так прошла неделя. Мы уже не знали, чем ей помочь, машину скорой помощи она строго-настрого запретила вызывать.

Неожиданно днём пурга утихла, и уже ближе к ночи во дворе послышался звон колокольчиков на оленьей упряжи и заливиный лай нашей цепной собаки. Это Иван приехал со старшим сыном Митрофаном. Они привезли на продажу мясо, песцовые и олени шку-

ры, заготовки для обуви, оленьи рога. Зашли в дом. Я быстренько поставила разогревать на горячую печь кастрюлю с супом и чайник. За ужином пожаловалась Ивану на его жену, что, мол, ни в какую не хочет лечиться ни таблетками, ни травами. Он засмеялся и ответил, что сейчас она быстро поправится.

Сходил во двор и принёс с нарта замороженное оленьё мясо. Нарубил его кусками и велел отдать Дусе. Она взяла кусочек и, макнув в соль с перцем, съела, запивая горячим чаем вприкуску с конфетами. Капельки пота покапались у неё со лба, особенно с переносицы. Я подала полотенце, она только успевала протирать лицо. Не прошло и получаса, как у Дуси перестало литься из носа ручьём, прошёл жар и появился нормальный, не скрипящий голос. Иван, видя моё удивление, сказал, что оленьё мясо – это лекарство. Только нужен маленький кусочек. Когда мяса много – это уже просто еда.

В ночь они уехали под всполохи цветного северного сияния на небе, а Дуся, махая рукой на прощание, всё что-то говорила на своём языке.

Как нашёлся Мальчик

Лечить ненцы умеют не только себя, но и животных. Однажды они на деле доказали своё умение. И это было для меня очередным удивлением и узнаванием людей, связанных накрепко с северной природой.

Стояла январская стужа, сорокоградусные морозы уже неделю удерживали школьников дома. Детвора, радуясь, что не надо идти в школу, высыпала на улицу. И только, когда уже холод крепко прихватывал лица, ребяташки бежали домой отогреваться.

Однажды сын пришёл с прогулки не один. Принёс чёрную маленькую лайку. Щенка была сильная дрожь. Задняя часть его тела была закована в толстый ледяной панцирь, а на голове запёкся ком крови. Сын сказал, что нашёл беднягу недалеко от станции за соседскими домами, где они играли с пацанами в войнушку. Щенок был привязан в лесочке к дереву перекрученным стальным телефонным проводом. Вероятно, его ударили чем-то по голове и облили водой, чтобы добить окончательно.

– И как только земля носит таких извергов? Отдали бы кому-нибудь, раз самим не нужен. Зачем же так-то? – повторяла я. – Сейчас мальчика отогреем.

Положив лайку на пол в кухне, взяла большой эмалированный жёлтый таз, налила туда прохладной воды и опустила в неё щенка. Он не сопротивлялся, видимо, понимал, что к нему пришло спасение. Пока оттаивал лёд, я осторожно тряпочкой размачивала запёкшуюся на голове кровь. Печка на кухне ровно гудела, отдавая своё тепло. После купания, промывки и обработки раны завернула «комочек» в старое детское байковое одеяло и положила на кофейную пристройку у печи. Налила в миску тёплого молока с мёдом. Все ещё дрожа, собака начала медленно лакать. А потом уснула.

Муж, придя домой на обед и узнав о находке, никак не мог успокоиться. Он любил охоту и знал цену лайкам-охотникам.

– Я бы этих... точно так же привязал, посмотрел бы на них! Ведь это настоящая лайка. Вот, негодяи, такого пса хотели утробить!

Щенка мы назвали Мальчиком. Прошло несколько дней, он с трудом, но уже самостоятельно передвигался по комнатам нашего де-

ревянного рубленого дома. Здесь ему было тепло и уютно, и он всем радостно вилял своим закрученным хвостиком. Одно только беспокоило нас: задняя левая лапка Мальчика беспрерывно дёргалась, даже когда он спал. Было похоже на нервный тик.

Чумовые дни

Пришёл май. Кое-где уже виднелись проталины, но снег ещё держался плотным слоем в лесах и в тундре, хотя и был похож в открытых солнечных лучах местах на грязноватую соль.

В один из таких дней к нам приехали друзья из тундры, пригласили погостить у себя в чуме. Сын очень обрадовался. Мы достали из кладовки большой белый мешок и сложили туда вещи и обувь, которыми давно уже не пользовались, но они были в добротном состоянии. В тундре всё сгодится. С чердака муж достал целый мешок с игрушками.

Весеннее майское солнце, отражаясь на белом снегу, слепило так, что из глаз струились слёзы. Пришлось в дорогу брать с собой солнечные очки. Иван с Дусей усадили нашего сына на свои нарты, позади них бежал Мальчик. Мы с мужем ехали на самодельном трэколе: три накачанных огромных резиновых колеса мягко катились по проталинам и снежным тундровым просторам. Уральские горы вдалеке расплывались и дрожали, как миражи в дымке майского солнца.

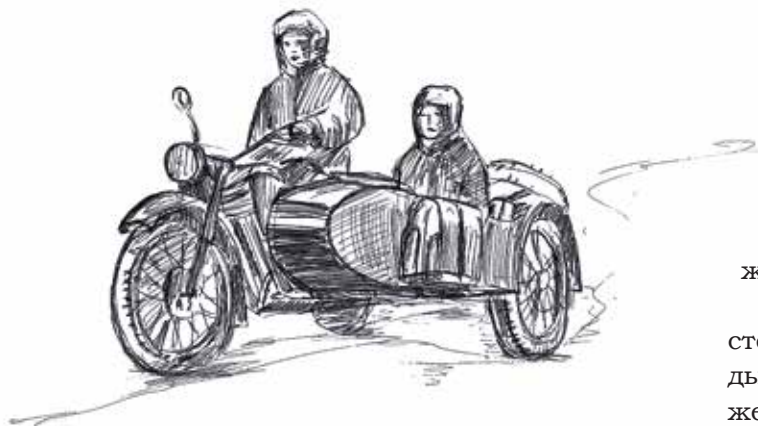
До чума добирались больше пяти часов. Переехав по льду реку, мы оказались в гу-

стом глухом лесу. Здесь снег был глубокий и рыхлый, управлять техникой стало труднее – она то и дело заваливалась набок. Приходилось удерживать её на плаву нашим весом, наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

Чум возник неожиданно. Он был собран и поставлен ненцами в распадке гор у реки, которая в это время года ещё спала под снегом и толстым голубым слоем льда. Окружённый со всех сторон горами, сверху чум был похож на солидного хозяина, дымящего трубкой, под защитой которого вокруг стояли нарты, похожие издали на старинные башмаки с загнутыми носами. Большие и маленькие, с одеждой на них, сложенной в тюки, продуктами и прочими необходимыми в тундре вещами нарты заменяли ненцам мебель в их походной жизни. А возле чума ненецкие дети занимались какими-то своими делами. Увидев, что к ним едут гости, они оставили всё и радостно бросились навстречу. Сын, спрыгнув с нарт, подбежал к младшему Василию и, ухватив его за пояс, приподнял. Они с хохотом повалились в снег. Со старшими братьями, Митрофаном и Колей, он солидно, по-мужски, поздоровался за руку. Девчонки стояли возле чума без ягушек, в ярких национальных платьях и застенчиво улыбались. Они произвольно мяли губами кончики своих волос, туго заплетённых в красные ленточки, держа их за кисточки загорелыми пальчиками. Ненецкие собаки, привязанные к нартам, лаяли на нашего Мальчика, задыхаясь от негодования, что по их территории бегают чужаки.

В чуме было натоплено. На печке в большой алюминиевой кастрюле варилось оленьё мясо. На спальных местах были растелены шкуры. Подвешенные к шестам пологи свёрнуты на день и подвязаны цветными ленточками. Посередине чума уложены три толстых крашеных широких доски, на которых стояла на тонких ножках большая и широкая из тонкого железа печь.

Александра быстро разложила на низком столике еду. В одной эмалированной чашке дымилось сваренное мясо, в другой наложена строганина⁴. Лук, чёрный хлеб, расто-

⁴Строганина – замороженная рыба, тонко нарезанная ножом.

пленный олений жир со шкварками. К чаю конфеты и мятные пряники.

Пока все рассаживались на шкурах вокруг низенького столика, муж вышел из чума и достал из багажника трёхколёсного коня мешки с подарками. Девтора кинулась их разбирать и делить между собой. Сладкие гостинцы Дуся временно убрала в деревянный ящик.

– Потома, с чаем, – улыбнулась она, как бы говоря, мол, знаю, что делаю.

Сын, насытившись с дороги тундровым угощением, побежал играть с мальчишками. Пока мы чаёвничали, он учудил такое, что пришлось ему объяснять, что можно делать в тундре, а чего нельзя. Над нашими головами, с обратной стороны чума, минут пять как будто кто-то проминал шкуры сверху донизу. Мы сразу и не поняли, в чём дело, пока Александра не вышла. Оказалось, наш сынок научил мальчишек скатываться с чума по оленьим шкурам, как с горки. Они забирались наверх, поближе к дымящей высокой трубе, хватались руками за шесты и верёвки и оттуда с улюлюканьем соскальзывали вниз. Александра дала всем такого нагоняя, что они убежали от неё в лес.

Пробыв в гостях несколько дней, мы засобирались домой. Иван с Дусей предложили оставить Мальчика у них в тундре.

– Ему надо лечить ногу, – сказал Иван, глядя на сына.

Тот, расстроенный, посмотрел на нас.

– А как же я без него?

– Иван всё правильно говорит, собаку надо лечить, видишь, как он мучается со своей лапой, – твёрдо сказал муж, и сын всё понял.

Мальчику сделали из верёвки ошейник и привязали к нартам, чтобы он не побежал за нашим трёхколёсником. Сын долго прощался с ним, о чём-то говорил и поглаживал по голове.

Когда мы проехали уже довольно большое расстояние от чума, всё ещё слышали в притихшей тундре, как скулил и таявал Мальчик нам вслед. Он не понимал, почему его бросили, и рвался с верёвки изо всех сил.

Прошёл год. Сын очень скучал по своей лайке и с нетерпением ждал встречи. Наконец этот день наступил. Ненцы привезли Мальчика по весне, когда уже стали появляться в тундре тёмные проталины. Сын не сразу узнал в упитанном, сверкающем блестящей чёр-

ной шерстью и повзрослевшем щенке свою собаку. Он позвал его, сидевшего возле нарт и наблюдавшего, как Иван достаёт из мешка часть оленьей замороженной туши. Обычно ненцы говорили, что это гостинец для нас.

Услышав зов, Мальчик поднялся на лапы и посмотрел в сторону сына. Знакомый голос звал его. Не понимая, что происходит, он в растерянности стоял у нарт и слабо повиливал своим закрученным хвостом. Сын сошёл с крыльца и двинулся навстречу собаке.

– Мальчик, ты что, не узнаёшь меня? – ласково и тревожно спросил он. Но тот стоял в напряжённой стойке, глядя внимательно, как к нему уверенной походкой идёт чужой мальчишка. Сын ещё раз позвал его, и тут вдруг пёс кинулся навстречу, с разгона прыгнул ему на грудь, и они оба упали. Мальчик стал торопливо лизать лицо сына, как бы говоря: «Я тебя узнал, узнал!»

– Ну, и здоровый же ты стал, тяжёлый, – сын сел на корточки. – Покажи лапу.

Лапа у собаки была в порядке, она уже не дёргалась и не беспокоила его. А дома муж сказал:

– Вот видишь, вылечили всё-таки твою собаку, а ты оставлять не хотел. Запомни, сынок, в тундре живут люди мудрые, знающие её древние секреты. Тундра бывает не только злой и холодной, но и доброй, приветливой. 🐾

**Продолжение
следует**

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЛУИЗЫ МИКОТАХОВОЙ